

О соотношении статей 2 и 21 Конституции России

Слишком общий характер статьи 2

В России стало привычным слышать призывы к ревизии некоторых фундаментальных конституционных положений, т.е. содержащихся в главе об основах конституционного строя. Казалось бы, напрашивается аналогия с тем, что происходило в конце 1980-х – начале 1990-х. Однако тут есть принципиальные отличия. Во-первых, тогда требования пересмотра ряда конституционных принципов исходили от сил, оппозиционных власти. Сегодня же – от вполне лояльных властям деятелей. А, во-вторых, четверть века назад требования носили, так сказать, «нормативный характер». Например, один из лозунгов массовых демонстраций звучал так: «Отменить 6-ю статью»¹, что означало требование официально отказаться от монополии одной политической силы и признать многопартийность. Нынче, наоборот, никто не говорит об изменении каких-то статей Конституции РФ.

Подоплека понятна: раньше любую норму Конституции (СССР или РСФСР) мог изменить представительный орган (в последние годы – соответствующий Съезд народных депутатов), а основополагающие положения Конституции РФ 1993 г. можно изменить, лишь созвав Конституционное Собрание, на что пойти, судя по всему, власти пока не решаются. В этом один из трагических показателей современного состояния российского конституционализма – его извращения без изменения конституционных норм. Люди, отрицающие базовые конституционные принципы, не случайно входят в состав нынешней властной или

* Доктор юридических наук, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики».

¹ В конституциях СССР и всех союзных республик в статье под таким номером закреплялось, что *«руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»*.

околовластной «элиты». Ведь они высказывают пожелания, не только не идущие вразрез с проводимой политикой, а, напротив, находящиеся в ее русле и просто доводящие до логического конца эту политику, которая есть не что иное, как *эрозия конституционализма*.

Действительно: никто не требует, например, «отмены статьи 13», закрепляющей принцип плюрализма и формально являющейся основой для создания системы политической конкуренции. Просто говорят о том, что развитие страны невозможно без государственной идеологии.

Похожая ситуация и *со статьей 2*. Ее «отмены» тоже не требуют, а лишь утверждают, что конституционное положение, признающее человека, его права и свободы высшей ценностью, легитимирует эгоизм, побуждает людей не считаться с общим интересом и тем самым ведет к уничтожению государства. Как и в случае требования «государственной идеологии», негативное отношение к принципу «человек – высшая ценность» тоже свидетельствует об отсутствии соответствующего политического направления, на основе которого строится вся деятельность государства. Точнее, о том, что проводится государственная политика, по сути дела, идущая вразрез со смыслом ст.2.

Автор не страдает «конституционным фетишизмом», но в данном случае хочу сказать, что фактическому игнорированию названного принципа во многом способствует и сама его конституционная формулировка: высокая, но мало влияющая на практику.

Понятно (хотя, видимо, далеко не всем), что в ст.2 речь идет о конституционном закреплении совершенно нового для России выбора мировоззренческого вектора: *государство существует для человека*, а не человек для государства. О таком выборе мечтали многие русские мыслители, принадлежавшие к либеральному направлению. Например, Б.Н. Чичерин писал: «Каждое разумное существо *есть само по себе цель* (курсив в цитатах мой. – М.К.); оно не должно быть низведено на степень

простого средства»². Собственно, это и есть «кредо» либерализма. И, кстати, именно в нем противники либерализма видят «разрушительный» для государства и общества характер³, полагая, что тем самым либерализм призывает индивида не считаться с общими интересами.

Нередко философия «человек для государства» оправдывается тем, что именно она соответствует христианскому учению. На самом же деле противоречит ему! Святитель Николай Сербский (Велимирович), отвечая на письмо одного из прихожан, писал: «Вы сожалеете о римской "культуре", понимая под ней "прекрасные мраморные статуи, которыми были украшены улицы и площади Рима". А разве не сожалеете вы о тысячах несчастных людей, которых волокли в цепях и кандалах мимо этих статуй на казнь? В этом и состоит *основная разница между римским и христианским пониманием ценностей*. Римляне-язычники ценили государство и культуру выше человеческой жизни, а христианство ценило и ценит человеческую душу выше государства, культуры и всего мира. Ибо *и государство, и культура ради человека, а не человек ради государства и культуры*. Человек *создает государство и культуру не как конечную цель жизни, а как вспомогательное средство для достижения духовных и нравственных целей*»⁴.

Противостояние двух «философий», двух мировоззрений – холистского и индивидуалистского – не отметина только нашего времени. Такое разделение появилось в глубокой древности. К. Поппер говорил, что «философия, которая ставит человека в центр своего интереса, началась

² Чичерин Б.Н. Общее государственное право / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2006. С.16.

³ См., например: Куркин Б.А. Идеология прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С.116.

⁴ Цит. по: Год души. Православный календарь с чтением на каждый день, 2009. – М., 2008. С.144.

только с Протагора»⁵. Однако еще Моисеево законодательство было пронизано идеей ценности личности. Известный русский историк и библеист XIX в. А.П. Лопухин отмечал: «При своей крепкой, органической связи община не поглощала и не подавляла личную самостоятельность отдельных членов ее, как это было во всех древних государствах, напротив, служила обеспечением этой самостоятельности против незаконных притязаний некоторых отдельных членов, осуществляющих тем главную цель Моисеева законодательства – наибольшее развитие чувства свободы в народе»⁶.

Причем, понимание ценности индивида отнюдь не противоречило первой заповеди Декалога: «*Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими*» (Втор. 6: 4-5). Обращаю на это внимание, поскольку среди аргументов против ст.2 выдвигается как раз тот, что названное конституционное положение ставит человека на место Бога, что именно *Бог является высшей ценностью*. Думается, это ошибочно даже не по формальным основаниям – невозможности обеспечить следование такой ценности при наличии множества религий и при свободе не исповедовать никакой религии. Этот аргумент неверен потому, что для верующих вообще не может быть никаких юридических императивов в духовной сфере. Сама *вера и есть восприятие Бога как высшей ценности*. Но ценности для самого индивида. Если бы государство признало ее, это стало бы насилием над индивидуальной волей, стало бы тем, чего не позволяет Себе Сам Бог, как это понимается в авраамических религиях.

Несмотря на свою древность, идея ценности человека пробивала себе дорогу с невероятным трудом. В России она официально была признана

⁵ *Поппер Карл Раймунд*. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т.1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С.236.

⁶ *Лопухин А.П.* Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / Под ред. и с предисловием проф. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2005. С.11-12.

только в Конституции 1993 г. К сожалению, только официально. Эта идея ни получила никакого институционального наполнения, ни проникла в общественное сознание. Возможно, и из-за того, что в советский период слово «индивидуализм» обрело (или укрепило) устойчивую отрицательную коннотацию. Для советского типа организации общества и государства это было естественно, ибо он строился на основе холизма. Сегодня же такая коннотация поддерживается тем, что происходит идейная реставрация некоторых советских принципов, в т.ч. идеализация мнимого «советского коллективизма» (о причинах самой этой реставрации здесь я умалчиваю).

Однако на самом деле *индивидуализм отнюдь не есть синоним эгоизма*. Напротив, как попытался доказать К. Поппер, «коллективизм как таковой не противоположен себялюбию. Вместе с тем, антиколлективист, т.е. *индивидуалист, может одновременно быть альтруистом*: может оказаться, что он готов пожертвовать собой, чтобы помочь другим людям»⁷. Другими словами, индивидуализм, вытекающий из ст.2, вовсе не означает право человека не считаться с общими интересами. Государство – это форма человеческого общежития, существования общества. Следовательно, неизбежны ситуации, когда и индивид должен послужить государству, а фактически, обществу. Не случайно и Чичерин так продолжает свою мысль о человеке как цели: «Государство *имеет право требовать от него* (человека. – М.К.) *жертвы, даже всецелой, доходящей до пожертвования жизнью для интересов целого союза*. Это именно оказывается на войне. Если бы люди соединялись в государства единственно для собственного счастья, то подобной жертвы нельзя было бы требовать»⁸.

Я, однако, выше сказал, что формула, закрепленная в ст.2, мало влияет на практику. Конечно, повторю, во многом из-за того, что для общества (а потому и для власти) она слишком еще непривычна и абстрактна. Но не в последнюю очередь и из-за того, что у нее слишком общий характер,

⁷ Там же. С.139.

⁸ Там же. С.17.

заставляющий обычного гражданина, ментально во многом остающегося советским, относиться к ней как к бесполезной декларации. Это снижает степень воздействия данного конституционного положения на сознание людей (восприятие как ценности, за которую стоит бороться) и, соответственно, делает возможным проведение политики, игнорирующей данную конституционную ценность как высшую, приоритетную. Примеров проявления такой политики можно привести много, достаточно хотя бы посмотреть на устойчивые пропорции расходов федерального, региональных, местных бюджетов или на состояние институтов, целью которых является охрана и защита права...

Из сказанного логичной становится постановка вопроса: что нужно предпринять, чтобы принципиальное положение ст.2 стало хотя бы немного более практичным? Самый общий ответ: общество должно сформулировать и выдвинуть соответствующий социальный заказ. Но на основе чего он появится? Возможно, для этого потребуются многие годы. Юристы могут лишь попробовать помочь сократить этот путь. Один из способов я вижу сначала в доктринальном, а затем и в официальном толковании этой статьи. Разумеется, последнее станет возможным, когда в соответствии со ст.105 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁹ поступит запрос о таком толковании: от Президента РФ, одной из палат Федерального Собрания, Правительства РФ или органа законодательной власти какого-либо субъекта РФ. Это – с формальной точки зрения. А с точки зрения реализма, такое обращение, скорее всего, сможет появиться только после того, как в стране заработают в конституционном духе правовые институты... Однако это не отменяет необходимости теоретического осмысления поставленной проблемы, чем я и пытаюсь заниматься.

Высшая ценность – человеческое достоинство

⁹ СЗ РФ. 25.07.1994. №13. Ст.1447. Все нормативные акты и судебные решения в статье проанализированы с помощью Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Проблема состоит в том, что, если вдуматься, в ст.2 речь идет не просто о выборе мировоззренческого вектора («государство для человека»). Ведь даже после декларации о таком выборе остается вопрос: что кроется за термином «человек» в конституционно-правовом контексте? Его физическое тело, т.е. само существование индивида? Именно так считает, например, В.Е. Чиркин, говоря: «Важнейшая общечеловеческая ценность – *сам человек*. В ст.2 Конституции РФ декларируется: "Человек, его права и свободы являются высшей ценностью". Хотя эта формулировка не совсем ясна (что же из двух составляющих является высшей ценностью, а объединение их в одном понятии не очень логично, кроме прав человеку нужно еще кое-что), смысл этой формулировки понятен. *Без человека нет общества, государства, других явлений современной жизни*»¹⁰. Но ведь и без муравьев нет муравейника, – возражу я, – без рабов – рабовладельческого строя и т.д. А, может, речь идет о репродуктивной функции человека? Или его собственности? Его свободе?..

Давая разные ответы на эти (и другие) вопросы, мы будем получать и *разные образы, разные направления государственной политики*. Поэтому важно определить, что является (или что консенсуально может быть признано обществом) *первичной и неделимой сущностью публично-правового понятия «человек»*.

Такой сущностью, по моему убеждению, является **человеческое достоинство**. Именно оно – *самое специфичное свойство человека*. Именно оно не позволяет рассматривать личность¹¹ в качестве чьего бы то ни было средства. «Демократия», «правовое», «социальное государство», «права и свободы» и другие высокие понятия (ценности) имеют смысл лишь

¹⁰ Чиркин В.Е. Базовые ценности конституционализма в XXI в. // Современный конституционализм: Теория, доктрина, практика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; РАП. Отдел конституционно-правовых исследований; Отв. ред. Алферова Е.В., Умнова И.А. – М., 2013. С.22.

¹¹ Строго говоря, понятия «человек» и «личность» не всегда совпадают, если иметь в виду, что в психологическом смысле личность может быть разрушена (в силу психического заболевания, алкоголизма, наркомании и др.). Тем не менее, здесь эти понятия рассматриваются как тождественные.

постольку, поскольку являются собой материальные и формальные условия для обеспечения человеческого достоинства. Конституция РФ в ст.2 потому и объединяет понятия «человек» и «его права и свободы» в *единую* высшую ценность, что в современном мире обеспечение достоинства личности немислимо без обладания правами и свободами¹².

Данный подход к пониманию ст.2 позволяет абстрактному в ее рамках понятию «человек» обрести более-менее конкретный смысл. И для этого есть даже формальные основания. Так, Преамбула Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г. начинается со слов: «Принимая во внимание, что признание *достоинства, присущего всем членам человеческой семьи* <...>» А первая же статья этого документа провозглашает: «Все люди рождаются свободными и *равными в своем достоинстве и правах*».

О неординарном характере человеческого достоинства говорит и Ю. Хабермас, утверждая, что его (достоинство) «следует считать не просто классифицирующим выражением, своего рода муляжом, за которым прячется множество различных феноменов, но моральным "истокком", который по содержанию *питает все базисные права*»¹³.

У вывода о человеческом достоинстве как высшей ценности и как самого специфического свойства человека есть и основания, так сказать, *метафизического* характера. Из первых же строк Священного Писания – Книги Бытия (Быт. 1: 27-28) следует, что здешний мир был дарован Богом не коллективу, не государству, а именно человеку, который произведен как главное действующее лицо, а не чье-либо средство. Даже нарушение первыми людьми единственного запрета, хотя и изменило духовную и

¹² Представляется в целом верным подход, при котором «юридическая категория "достоинство личности" раскрывается через набор тех личных прав и свобод, которые в конкретном обществе гарантируются каждому человеку» (Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. – М., 1997. С.145). Правда, речь должна идти не только о личных, но и о других правах и свободах, в т.ч. социальных.

¹³ Хабермас Юрген. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С.68.

биологическую сущность человека, однако, не отменило главного – того, что *человек остался образом и подобием Бога.*

Христианское богословие подчеркивает, что Бог наделил сотворенного Им человека свободой воли. Так, св. Иоанн Дамаскин говорит: «Если человек сотворен по образу блаженного и пресущественного Божества, а Божество *свободно и имеет волю по естеству*, то и человек, как образ Божества, *свободен по естеству и имеет волю*»¹⁴. Конечно, это так. Но образ и подобие Божие заключаются не только в свободе. Святой авва Дорофей (прибл. V в.) говорит: «Сказано: по образу, поелику Бог сотворил душу *бессмертною и самовластною*, а по подобию – относится к добродетели»¹⁵. Не просто о свободе (воли), а о *самовластии* ведет речь святой подвижник, т.е. о свободе властвовать собой, в которую органически вплетено понятие ответственности. Иными словами, Творец сообщает человеку образ и подобие Своего абсолютного и ненарушимого *достоинства*. Вот откуда выводится высшая ценность человеческого достоинства, *неуничтожимого даже при обращении человека ко злу.*

Я не случайно выделил последние слова, поскольку часто, говоря о достоинстве, смешивают вкладываемые в него *два смысла*. Причем, об одном из этих смыслов словари, как правило, умалчивают. Не буду говорить, что этого слова вообще не оказалось в словарях В.И. Даля 1880-1882 гг. и Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1890-1907 гг. (о «достоинстве» говорится лишь при толковании слова «честь»). Не оказалось его ни в Советском энциклопедическом словаре 1979 г., ни в Философском энциклопедическом словаре 1983 г. Скажу лишь о том, что в других словарях, например, Словаре русского языка С.И. Ожегова во всех четырех значениях «достоинство» выступает только в качестве *положительного* свойства или набора свойств. Тем самым как бы признаётся, что достоинство не имманентно человеку (не

¹⁴ Цит. по: Православно-догматическое богословие Д.Б. Макария, Архиепископа Харьковского. Т.1. – СПб., 1868. С.132.

¹⁵ Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. – М., 2008. С.155.

всякий, так сказать, «достойн иметь достоинство»). В энциклопедическом словаре Вебстера значения английского слова «dignity» примерно такие же: 1) величественность, высокое происхождение; 2) высокая должность, чин, титул, священнический сан; 3) лица, занимающие высокий пост; 4) состояние или качество – превосходный, достопочтенный; 5) степень продвижения по службе, ранг, т.е. и здесь «достоинство» в целом основано на понятиях «достойн» или «удостоен».

Идея достоинства как имманентного человеку свойства весьма слабо прослеживается и в отечественном законодательстве. Если обобщить, можно сказать, что «достоинство» чаще всего употребляется в качестве синонима «чести». Судя по всему, «пионером» такого смешения понятий стал Гражданский кодекс РФ (Часть 1). В п.1 ст.152 сказано: «Гражданин вправе требовать по суду опровержения *порочащих* его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Тем самым покушение на достоинство включается в состав диффамации. В равной степени это относится и к уголовно-правовому способу защиты чести и достоинства, закрепленному в ст.129 Уголовного кодекса РФ («Клевета»). Кстати, не очень понятно, по каким признакам можно отличить диффамацию в гражданском праве от клеветы – в уголовном.

Такой характер названного гражданско-правового деликта подтверждается и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (п.7), где подчеркивается, что необходим «факт *распространения* ответчиком сведений об истце, *порочащий характер* этих сведений и *несоответствие их действительности*». Причем «*при отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств* иск не может быть удовлетворен судом»¹⁶.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005, № 4.

Таким образом, ГК РФ понимает «достоинство личности», вопреки его же ст.150, не как принадлежащее человеку от рождения нематериальное благо, а как субъективную *оценку человеком своего*¹⁷ *положительного образа*. Тем самым «достоинство» перестает быть отличимым от понятий «честь», «доброе имя», «репутация». Но в том-то и дело, что честь, в отличие от достоинства, не прирожденное свойство, она может приобретаться и теряться. Нельзя поэтому согласиться с В.И. Круссом, который *под достоинством* понимает «сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств *в собственном сознании*, что позволяет отграничить достоинство от *чести*, понятие которой выражает *оценку внешнего (объективного) порядка*»¹⁸. Всё как раз наоборот: понятие «честь» в большей степени выражает внутреннюю положительную оценку самим человеком (самооценку), нежели внешнюю. В русском языке это выражается в таких, к примеру, оборотах и поговорках, как: «потерять честь», «береги честь смолоду» и т.п. Характерно, что во многих европейских языках слово «честь» (в частности, в английском – *honour*) происходит от латинского *honor*, которое означает честь, но именно в смысле *приобретенной* ценности: почет, почесть, почетная должность (отсюда, например, доктор *honoris causa*), почетная награда и даже украшение¹⁹. Такое смешение понятий отнюдь не безобидно, поскольку, если следовать логике, гражданские дела «о защите достоинства» фактически исчерпываются только случаями

¹⁷ Порядок, при котором защита чести и достоинства гражданина допускается по требованию заинтересованных лиц (если потерпевший умер, является несовершеннолетним или недееспособным), не меняет сути данного вывода.

¹⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. С.217. Почти так же трактуются данные термины некоторыми представителями науки уголовного права: «*Честь* – это нравственная категория, которая связывается с оценкой личности в глазах окружающих и отражает конкретное общественное положение человека, род его деятельности, и признание его моральных заслуг. Под *достоинством* же, которое тесно связано с честью, понимается особое моральное отношение человека к самому себе и характеризующее его репутацию в обществе (благоразумие, мировоззрение, нравственные качества, образование и уровень знаний, соблюдение правил общежития и достойный образ жизни и др.)» (Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. проф. А.И. Рарога. – М., 1996. С.63).

¹⁹ См.: Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. Латинско-русский словарь. 4-е изд. – М., 2001. С.136.

диффамации. Разумеется, и за нее наступает ответственность. Однако для укоренения в обществе ценности человеческого достоинства важно, чтобы именно эта ценность фигурировала в качестве объекта особой охраны со стороны государства.

Уголовный кодекс РФ, в основном, трактует достоинство в ключе как раз имманентного человеку свойства, закрепляя как общий запрет применять наказания, унижающие человеческое достоинство (ст.7), так и составы преступлений, где унижение человеческого достоинства является элементом объективной стороны преступления (такова, в частности, ст.110 «Доведение до самоубийства»). Однако и в УК РФ понятия «честь» и «достоинство» частенько смешиваются. Например, в комментариях к ст.110 сказано, что систематическое унижение человеческого достоинства – это, среди прочего, распространение о человеке ложных слухов²⁰.

Юридические недостатки статьи 21

А Конституция РФ? В каком смысле она употребляет слово «достоинство»? Нужно отметить, что в ней как раз совершенно обоснованно разводятся между собой понятия достоинства (ст.21) и чести (ст.23). Проблема в другом: в месте и содержании самой статьи 21. Напомню ее: «1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. 2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». На мой взгляд, эта статья, при всей ее ценности, вносит некоторую путаницу.

Во-первых, помещение нормы о государственной охране достоинства личности в статью, являющуюся лишь одной из многих статей о правах и свободах человека и гражданина, как бы занижает ценность достоинства, свидетельствуя, что обязанность государства охранять человеческое

²⁰ См.: Уголовное право России... С.35.

достоинство – вполне «рядовое», т.е. отнюдь не приоритетное. А, во-вторых, ч.2 ст.21 сужает содержание человеческого достоинства. Во всяком случае, обычно в первых частях конституционных статей о правах и свободах указывается собственно субъективное право, а в последующих частях оно как бы расшифровывается. Так неужели право на охрану достоинства личности исчерпывается запретом пыток, насилия и экспериментов над человеком вопреки его воле? Нет, конечно же. Впрочем, часть 2 можно трактовать просто как перечисление *наиболее* вопиющих, неприемлемых проявлений унижения достоинства. Именно так, кстати, трактуют эту часть некоторые комментаторы²¹.

О том, что далеко не только вульгарное насилие над личностью, физические издевательства над человеком имеются в виду под охраной достоинства, говорит и практика Конституционного суда РФ. Мерами противодействия нарушению достоинства Суд считает, например:

- право гражданина *прибегнуть к судебной защите* для отстаивания своих прав и свобод²²;
- право *оспаривать незаконное, необоснованное осуждение*²³;
- запрет произвольного лишения или временного *прекращения законно приобретенного гражданства*²⁴;
- право добиваться *исправления возможных ошибок*, допущенных судом при постановлении приговора²⁵;
- право потерпевшего *участвовать в судебных прениях*²⁶;

²¹ См., например: Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий. С.147.

²² Постановление от 3 мая 1995 г. № 4-П // СЗ РФ. 08.05.1995, № 19, ст. 1764; Постановление от 2 июля 1998 г. № 20-П // СЗ РФ. 13.07.1998, № 28, ст. 3393; Постановление от 23 марта 1999 г. № 5-П // СЗ РФ. 05.04.1999, № 14, ст. 1749 и др.

²³ Постановление от 2 февраля 1996 г. № 4-П // СЗ РФ. 12.02.1996, № 7, ст. 701.

²⁴ Постановление от 16 мая 1996 г. № 12-П // СЗ РФ. 20.05.1996, № 21, ст. 2579; Постановление от 23 апреля 2004 г. № 9-П // СЗ РФ. 10.05.2004, № 19 (часть 2), ст. 1923. 19.07.2004, № 29 (поправка).

²⁵ Постановление от 6 июля 1998 г. № 21-П // СЗ РФ. 13.07.1998, № 28, ст. 3394.

²⁶ Постановление от 15 января 1999 г. № 1-П // СЗ РФ. 25.01.1999, № 4, ст. 602.

- реализация права на *помощь адвоката (защитника)* вне зависимости от усмотрения органов дознания и следствия²⁷;
- возможность *пересмотра окончательного судебного решения* в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства фундаментальным нарушением, которое повлияло на исход дела²⁸;
- право лиц, пострадавших в результате чернобыльской катастрофы, на *такой размер возмещения, который был бы сопоставим с доходами граждан по стране в целом*²⁹;
- обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им *адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде*³⁰;
- запрет прекращать трудовые отношения с руководителем организации *без указания конкретных мотивов такого решения*³¹;
- право человека быть погребенным после смерти согласно его волеизъявлению, с *соблюдением обычаев и традиций, религиозных и культовых обрядов*³²;
- запрет *несоразмерных ограничений имущественных прав граждан-должников и кредиторов* как субъектов гражданского оборота земельных участков³³;
- запрет издания законов, вносящих произвольные изменения в действующее правовое регулирование, если такие изменения нарушают *принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства*³⁴;

²⁷ Постановление от 27 июня 2000 г. № 11-П // СЗ РФ. 03.07.2000, № 27, ст. 2882.

²⁸ Постановление от 17 июля 2002 г. № 13-П // СЗ РФ. 05.08.2002, № 31, ст. 3160; от 11 мая 2005 г. № 5-П // СЗ РФ. 30.05.2005, № 22, ст. 2194.

²⁹ Постановление от 19 июня 2002 г. № 11-П // СЗ РФ. 08.07.2002, № 27, ст. 2779.

³⁰ Постановление от 8 декабря 2003 г. № 18-П // СЗ РФ. 22.12.2003, № 51, ст. 5026; Постановление от 11 мая 2005 г. № 5-П // СЗ РФ. 30.05.2005, № 22, ст. 2194.

³¹ Постановление от 15 марта 2005 г. № 3-П // СЗ РФ. 28.03.2005, № 13, ст. 1209.

³² Постановление от 28 июня 2007 г. № 8-П // СЗ РФ. 02.07.2007, № 27, ст. 3346.

³³ Постановление от 12 июля 2007 г. № 10-П // СЗ РФ. 23.07.2007, № 30, ст. 3988.

³⁴ Постановление от 25 декабря 2007 г. № 14-П // СЗ РФ. 31.12.2007, № 53, ст. 6674.

- запрет *продолжения публичного преследования за административное правонарушение, не имеющего существенной общественной опасности*³⁵;
- запрет ограничения права российских *граждан, имеющих вид на жительство на территории иностранного государства, на участие в управлении делами государства* (правда, к сожалению, только в качестве члена территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса)³⁶;
- обязанность государства предоставить эффективную поддержку лицам, у которых в результате существенного неблагоприятного *воздействия чрезвычайных техногенных обстоятельств* невосполнимо утрачиваются (или резко сужаются) возможности самостоятельного обеспечения достойной жизни и свободного развития³⁷.

Конечно, замечательно, что КС РФ широко трактует ст.21. Но такая широта наводит одновременно и на мысль, что для Суда содержательная специфика понятия «человеческое достоинство» тоже не очень ясна.

Представляется, что ключевым словом в отношении того, от чего следует охранять человеческое достоинство, является «*унижение*». Это понятие существует сегодня только в уголовном законодательстве РФ. А ведь речь унижить (оскорбить) человеческое достоинство, как сказано уже, можно отнюдь не только физическими издевательствами. Стоит напомнить хотя бы, что ведущим мотивом массовых демонстраций в декабре 2011 г. было как раз унижение – именно так люди восприняли известную «политтехнологическую» операцию под названием «смена президентов».

Вообще, именно унижение (ущемление, оскорбление и т.п.) человеческого достоинства, как представляется, лежит в глубинной основе восстаний, мятежей, бунтов, революций И хотя люди чаще всего так не

³⁵ Постановление от 16 июня 2009 г. № 9-П // СЗ РФ. 06.07.2009, № 27, ст. 3382.

³⁶ Постановление от 22 июня 2010 г. № 14-П // СЗ РФ. 05.07.2010, № 27, ст. 3552.

³⁷ Постановление от 20 декабря 2010 г. № 21-П // «Российская газета», 29.12.2010, № 295.

формулируют свои мотивы, именно ощущение своей подавленности, униженности, невозможности избавиться от издевательских, по сути, условий жизни приводит к актам протеста. Человек, чувствуя себя униженным и при этом не имеющий возможности правовым способом защититься от унижений, неизбежно восстает против самого государства, которое не охраняет и не защищает человеческое достоинство.

Таким образом, ст.21 есть только частный случай ст.2 Конституции РФ.

Выводы

Итак, статью 2 вполне можно «заставить работать», если воспринимать ее смысл как конституционное закрепление человеческого достоинства в качестве высшей ценности. В этом случае ст.21 останется, действительно, примером запрета лишь наиболее вопиющих нарушений достоинства личности. В то же время было бы желательным предпринять ряд шагов сначала чисто нормативного свойства (помимо названного выше официального толкования) для того, чтобы ценность человеческого достоинства стала более зримой. Мне кажется необходимым в этих целях: ввести в акты разных отраслей российского законодательства – прежде всего, административного и уголовного – понятия «человеческое достоинство» и «унижение человеческого достоинства»; законодательно разъединить понятия «честь» и «достоинство».

Разумеется, чисто юридическими мерами невозможно добиться такого положения, когда понятие достоинства станет центральным, а степень его обеспечения, охраны и защиты превратится в основной критерий для оценки благополучия государства³⁸ (любого). Потребуется целый ряд последовательных шагов по изменению правоприменительной практики и даже социально-экономической политики.

³⁸ Вполне возможно такую оценку проводить с помощью специального *Индекса охраны человеческого достоинства* (о его смысле и предложениях по методике разработки и применения см.: *Краснов М.А., Краснов П.М.* К разработке Индекса охраны человеческого достоинства // *Общественные науки и современность.* 2011. № 6. С.64-75).

Человеческое достоинство можно ущемить в любой сфере, но есть несколько «зон», где оно наиболее уязвимо. И.П. Петрухин, например, писал, комментируя ст.21: «Особенно остро стоит вопрос о защите достоинства личности в тех местах, где человек оказывается *"в чужой власти"*, т.е. становится объектом воспитания, лечения, государственного или военного управления с его чинопочитанием и строгой дисциплиной (школа, больница, тюрьма, армия, чиновничья служба). Личность, ограниченная в правах или поставленная в служебную либо иную зависимость, особенно нуждается в уважении ее достоинства»³⁹. Верно! И потому, если общество воспримет человеческое достоинство как высшую ценность и заставит власть видеть приоритет именно в обеспечении, охране и защите достоинства, это побудит, в частности, и к более тщательному законодательному регулированию отношений, и к большей, если можно так сказать, правовой щепетильности в контроле над правоприменительной практикой *в сферах, где достоинство находится под наибольшей угрозой*. Прежде всего, речь идет об отношениях человека:

- 1) с органами, имеющими полномочия по кратковременному лишению свободы (задержанию и аресту);
- 2) с сотрудниками учреждений исполнения наказаний при отбытии наказания в виде лишения свободы, а также с другими заключенными;
- 3) с командирами и сослуживцами при прохождении военной службы в качестве рядового и сержантского состава;
- 4) с учителями в школе, преподавателями в вузе и представителями администрации образовательных учреждений;
- 5) с медицинским персоналом и представителями администрации лечебных учреждений (поликлиник и клиник);

³⁹ Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. и вступительной статьей акад. Б.Н. Топорнина. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 2003. С.210.

- б) с государственными и муниципальными служащими в процессе исполнения ими своих должностных функций.
- 7) с вышестоящими руководителями в рамках публичной службы (гражданской, военной, правоохранительной);
- 8) с органами публичной власти разных уровней по поводу материальных условий жизни не ниже стандартов.

В связи с упоминанием **о стандартах** следует сказать, что, как верно замечено, достоинство личности – «это юридическая категория с *социально-исторически изменяющимся содержанием*»⁴⁰. Это означает, что уровень обеспечения, охраны и защиты человеческого достоинства можно довольно точно измерять, опираясь на социальные и правовые стандарты, которые в состоянии гарантировать конкретное современное государство. Например, если в средневековых городах в домах ни знати, ни обычных горожан не было систем канализации, то сегодня, если говорить о России, проживание в таком доме (по крайней мере, в городе) есть явное унижение человеческого достоинства. Если когда-то телесные наказания учеников были в порядке вещей, то теперь они воспринимаются не иначе, как ущемление достоинства личности учащегося. Если лет триста-четыреста назад пытки были обычным методом добывания доказательств вины при уголовном преследовании, то сегодня считаются одним из вопиющих нарушений достоинства человека. Следовательно, хотя само человеческое достоинство является абсолютным, индикаторы его нарушения – категория относительная.

Среди *современных социальных стандартов*, несоблюдение которых унижает человеческое достоинство, можно назвать, к примеру, отсутствие жилья или проживание в бараках, хижинах, аварийных домах; отсутствие материальных средств, необходимых для достойного существования; невозможность получить среднее образование. К *правовым стандартам* современного мира можно отнести, в частности, широту и реальность выбора

⁴⁰ Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий. С.146. См. также: Хеберле П. Достоинство человека как основа демократической государственности // Государственное право Германии / Пер. с нем. В 2-х томах. Т.2. – М., 1994. С.15.

(на муниципальных, региональных и федеральных выборах). Ведь человеческое достоинство страдает либо вообще от отсутствия выбора, либо от того, что выбор радикально сужен в сравнении с существующими стандартами, ибо государство тем самым как бы говорит гражданину: «от тебя ничего не зависит».

Понятно, что превращение человеческого достоинства в реальную высшую ценность требует как самого общественного согласия с данным приоритетом, так и иной (конкурентной) политической системы, базирующейся на строгом следовании принципам конституционализма. К сожалению, сегодня у нас нет ни первого, ни второго. Но это не означает, что конституционалисты должны пребывать в унынии и не выдвигать идеи, направленные на облагораживание нашего общества.